

Из записок старослуживого

...В семье нашей было много моих сверстников по службе; кроме нас, троих Самсоновых, жили с нами два двоюродных брата Ладыженские. Старший из них, Илья Фёдорович, поручик кавалергардского полка, возгорел желанием повоевать на Кавказе. Мать его, родная моя тётка, рождённая Исленьева, со слезами умоляла сына отказаться от его намерения: «убьют из-за куста», говорила она, «умрёшь без всякой славы, — а ты у меня старший сын; мы уже стары»... и прочее. Тут приводились всевозможные убеждения, но они не повлияли на решение сына. Приготовления его к отъезду шли усердно, даже камердинер его, араб-Ашиль, заразившись азартом своего барина, купил для себя кинжал и шашку.

Завидовал я Илье Фёдоровичу и надумался: как бы и мне попасть на Кавказ? Случай скоро представился; приносят мне приказ по полку, и при нём лист с заголовком: «Список желающих участвовать в предстоящей в сём году экспедиции на Кавказе». Я перекрестился и вписал своё имя.

Охотников нашлось много, между ними и такие, которые по молодости службы не имели на то права; серьёзными кандидатами оказались: поручики князь Александр Фёдорович Голицин-Прозоровский, Николай Николаевич Хозиков, подпоручики: я и Горожанский.

На другой же день потребовал меня к себе командир полка генерал-адъютант Микулин, человек, преданный всецело службе, любимый полком, но весьма пылкого характера, что и заслужило ему прозвание Василий Горячий. Я нашёл его в тревожном расположении духа. «Что значит, — спросил он меня. — Зачем ты хочешь ехать на Кавказ? Или ты чем-нибудь в полку недоволен?» — Я ему отвечал, что я полком дорожу и очень к нему привязан; счастлив дружбою товарищей и благорасположением ко мне моего командира, но что желание моё быть полезным службе и подготовиться к боевой деятельности, — желание весьма понятное в каждом из нас. «*Tout cela est bele et bon, mon chér, — выговорил он с насмешливой улыбкой. — Mais écoutez moi: ne gêtez pas la carrière qui s'ouvre devant Vous*».¹

Я узнал впоследствии, что он хотел взять меня в полковые адъютанты, на место назначаемого на должность адъютанта к великому князю Михаилу Павловичу штабс-капитана М. А. Катенина.

Я благодарил от всего сердца доброго моего командира, но остался при своём мнении.

Сухо он меня отпустил и в последующие за сим 5—6 дней даже отворачивался при встрече со мною. Призывал он меня ещё раз; «прошу тебя остаться», говорил он, «ты меня выведешь из затруднения, так как я дал слово князю Лобанову послать на Кавказ его племянника Горожанского».

Нужно сказать, что Горожанский, при всех его добрых качествах, был человек далеко не военного пошиба и притом весьма слабого здоровья.

*Самсонов, Г. П. Из записок старослуживого / Г. П. Самсонов // *Русский Вестник*. — 1892. — № 10. — С. 101—134.

Мемуары генерал от инфантерии Гавриила Петровича Самсонова изданы в Москве в 1895 году под названием «Из частных записок старослуживого». Самсоновы жили в Бектышеве под Переславлем-Залесским.

Перевод французских фраз: А. В. Аверьянов, Ю. М. Сулова.

¹Всё это красиво и хорошо, мой дорогой. Но послушайте меня: стоит ли портить открывающуюся перед вами карьеру? (Фр.) — *Ред.*

Соглашение не состоялось и в это свидание; решено было прибегнуть к жеребью. Мне достался счастливый билет, который я уже никак не уступил, несмотря на просьбу Василия Яковлевича передать его Горожанскому.

Итак, на Кавказ! Благодарю Господа, что он сподобил меня пройти через эту школу, — я ей обязан многим.

Не знаю отчего, но Ладыженскому не удалось ехать на Кавказ; вероятно, слёзы матери потушили загоревшиеся в нём боевые порывы; вместо него назначен был товарищ его по полку поручик Н. С. Мартынов, с которым мы жили и воевали неразлучно во всю экспедицию.

с. 103

Семья Ладыженских ликовала, моя семья не горевала; по совершении молебствия, матушка моя Анна Александровна (тоже рождённая Исленьева) благословила меня нагрудным образом Святого Николая Чудотворца, с вырезанным на обороте псалмом: «Живый в помощи Вышняго»; я его никогда не снимал и верую, что он и молитвы матери охраняли меня в опасностях боя.

Сборы были недолгие: купил я вьюк; необходимый в те времена — погребец и ещё кое-какие мелочи и пустился в путь на Москву с своим камердинером Павлом и кучером Иваном. Меня уговаривали купить рессорный экипаж, в том соображении, что такого во всём Кавказе ни за какие деньги не достанешь, а раненому (?) неудобно возвращаться на телеге. Из Москвы я поехал к моему отцу в с. Бехтышево (старое гнездо наше во Владимирской губернии) и, получив его благословение и добрые советы, отправился опять в Москву для покупки экипажа. Опытности в этом отношении я не имел никакой; соблазнила меня хорошенькая, изящных форм колясочка, которая впоследствии оказалась столь же хрупкою, сколько была красива на вид.

с. 104

Было это в половине марта; дороги становились чем далее, тем хуже. Я торопился, боясь опоздать в экспедицию, утопал в зазорах, увязал в грязи; приходилось иногда помогать своими плечами уморившимся людям и лошадям. Сметливый народ выходил из деревень и стоял кучками на тех местах, из которых без их помощи немислимо было выбраться, — ожидали себе выгодную вольную работу. Приходилось иногда давать по золотому за выручку. Как увидишь издали кучку, так и знаешь, что тут пробьёшься часа два, три. Между тем коляска моя не сочувствовала моему нетерпению и стала беспрестанно требовать починков. С большими усилиями добрались мы до Ельца, и здесь я убедился, что она пришла в совершенную негодность. Как быть? Вхожу в гостиницу, которая показалась мне великолепною в сравнении с другими пристанищами на моём пути; ищу, с кем бы посоветоваться. Здесь я встретил две личности, замечательные по различию своих свойств и характеров: один, молодой человек лет 25-ти, А. П. Д.; одет он в черкесскую форму: тут и патроны и кинжал, — совершенный черкес или линейный казак; усвоил он себе такой костюм собственно для того только, что живёт на дороге, ведущей на Кавказ; на Кавказе же он никогда не бывал да, кажется, из Ельца и в другие местности редко заезжал. Мне говорили в гостинице, что он постоянно бегаёт на станцию, старается знакомиться с приезжими, и потом рассказывает в городе, кто куда проехал. Совершенно гоголевский тип! Заинтересовался мною Г-н Д. и ищет, как бы со мной заговорить; наконец, решился: «Вероятно, идёте на Кавказ; а где изволите служить?» Узнав, что я служу в Преображенском полку, он смекнул, что со мною можно «парле франсе», и сейчас же с полною откровенностью сообщил мне, что он «Оси серви о улан, ме не пуве, — офисье кошон-се, бате».¹ Выпустив такую исповедь о своих полковых неудачах, он с горячностью принялся за меня хлопотать, уверяя, что может всё скоро и хорошо устроить.

Обратясь к прислуге, он приказал призвать каналью Паренова, а когда Паренов (каретник) пришёл, он ему строго рекомендовал починить сейчас мой экипаж, или достать для меня сейчас же другой. «Делай скоро и честно, как бы для меня». Я только собирался благодарить моего благодетеля, как «каналья» Паренов меня прервал. «Да что для вас? вот вы три года должны 200 р. и ничего не платите!» — Г-н Д. исчез!

Другой, проезжий харьковский помещик Иван Иванович Мерескулов, старичок почти совсем глухой; он старался вслушаться в мой разговор с каретником и понял, что каретник

¹Aussi servis aux oulans, mais ne pouvais, — officier cochon-ce, bate. Тоже служил уланом, но не мог, — офицер есть свинья, сорился. (Неправильный фр.) — *Ред.*

мне обещает исправить мою коляску в две недели (!) за 150 руб., и что я наконец решаюсь променять её ухо на ухо на казанскую телегу. Подошёл ко мне старичок и с участием спросил: случалось ли мне ездить когда-либо в телеге? «Это будет мой первый опыт, — отвечал я, — попробую!» Добряк Иван Иванович пожалел меня искренно и предложил ехать с ним до Харькова в его карете. Я сперва похрабрился, к тому же мне было совестно стеснять почтенного старичка, но наконец сдался на его доброе желание, внутренне радуясь, что придётся несколько отдохнуть от перенесённых злоключений.

Дорогой, по случаю глухоты моего собеседника, мы разговаривали мало; доехали до Харькова весьма благополучно. Здесь, после сытного обеда, мы расцеловались и расстались. Вероятно Иван Иванович давно уже ушёл из сего мира, но благодарная память о нём никогда не изгладится из моего сердца.

Подъехала моя телега, — нечего медлить: поставили большой сундук на заднюю ось, и я преважно на нём уселся. Тронули по мостовой, стало меня покалывать в бока, и всё сильнее и сильнее; я верчусь во все стороны, — мочи нет, плохо, — но молчу, стыдно людей. Пока на первой станции переключивали лошадей, я немного свободнее вздохнул и подумал, что это только так было сначала, а что теперь пойдёт всё ладно. Надежды мои, однако, не сбылись, — просто хоть волком вой, так меня исколотило! Гляжу на Павла и Ивана; сидят они по бокам, свесивши ноги, и в ус себе не дуют. «А что, вас не толкает?» — «Никак нет-с, хорошо», — отвечают они. «А мне что-то неловко», — говорю я. «Да ещё бы, — усмехнулись мои спутники, — вы ведь на задней оси сидите!»

с. 105

Вот секрет, которого я не знал, а они не догадались мне сообщить. Прогнал Павла, сел на его место; хотя и тут не совсем удобно, но уже гораздо лучше прежнего.

Доехали до Ставрополя благополучно; здесь меня встретили товарищи-гвардейцы; все они уже были распределены по полкам; нужно было и мне поторопиться моим назначением.

Слава Господу, — пришлось послужить в славном Кабардинском полку!

Из Ставрополя мы переправились в Екатеринодар в ожидании сбора полков, входящих в состав отряда, а оттуда уже вступили в лагерь, расположенный за Кубанью, у Ольгинского тет-де-пона,¹ где и оставались до выступления в поход по направлению к главному лагерю, через болотистую местность, называемую Кунипса.

Посылались из нашего отряда так называемые «оказии» — с целью снабжать провиантом гарнизоны фортов: Абин и Николаев. Укрепления эти устроены на лёгкую руку; каждое из них оберегалось одною пехотною ротой, и хотя они были окружены со всех сторон неприятелем, горцы редко покушались ими завладеть; а когда решались на такой подвиг, они дорого плачивались.

Расскажу про один эпизод, по неведению моему кавказских обычаев, очень меня переполюшивший. В одну из ночей нашей лагерной стоянки я был пробуждён пушечной пальбой, ружейными выстрелами, криками «ура» и «Аллах»; всё это очень звучно раздаётся в горах, так что казалось, не далее версты от лагеря происходит что-то очень серьёзное. Вскакивая с постели, ишу свою шашку, — в темноте ничего не разглядишь, — выбегаю босиком, чтобы примкнуть к своим, полагая, что все уже собрались и строятся, но, к крайнему моему удивлению, слышу в ближней палатке сильный храп спящих спокойно людей. «Что такое? где дерутся? отчего не собираются?» — спрашиваю я встретившегося мне рядового, тоже полураздетого. «Да куда же идти, — отвечает он, — это оказия возвращается: вот и постреливают, — всегда так бывает».

с. 106

Мне стало стыдно; хладнокровие же рядового казалось мне упрёком.

Моё тревожное состояние как-то не ладилось с порывами доблести, наполнявшими мою душу. К счастью, на другой же день я убедился, что в бою я не теряю ни присутствия духа, ни потребной энергии.

Цель нашей экспедиции заключалась в следующем:

Горские племена получали порох и свинец из Турции, пользуясь сообщением по Чёрному морю; изобилие впадающих в него речек позволяло туркам приставать, куда им нужно; мелкие их суда держались к самому берегу и, так сказать, ныряли в речки, скрываясь от наблюдения крейсеров. По берегу при устьях рек строились нами укрепления, собствен-

¹ Tête-de-pont — предмостное укрепление, выдвинутое навстречу противнику. (Фр.) — Ред.

но в видах противодействия таким предприятиям. В то время уже было много устроено укрепленных фортов по обе стороны главного хребта, в середине же восточного берега моря были ещё пробелы, которые нужно было занять.

Отряду нашему поручалось овладеть устьями речек Пшад и Вулан, до того времени совершенно нам неизвестными, и на берегу моря построить укрепленные форты.

Прибрежье этой страны заселялось самыми богатыми и воинственными племенами, истыми врагами нашими; с помощью их производились набеги и на Кубань.

В состав нашего отряда входили полки: Тенгинский, Навагинский и Кабардинский, по 3 батальона в каждом (по одному батальону оставлено было в штаб-квартирах). Сколько могу припомнить, полевых батарей находилось в отряде четыре и горных — две.

Кроме регулярных войск были прикомандированы к нам черноморские и донские казаки, всего же численность отряда доходила до 12 тысяч.

с. 107 Начальствовал экспедицией генерал-лейтенант А. А. Вельяминов, старый кавказский воин (сотоварищ Ермолова), человек энергичный и распорядительный, но вместе с тем сухого, жёсткого характера; мало сближающийся с своими подчинёнными. Правой рукой его был неутомимо деятельный полковник М. М. Ольшевский. Он был везде, распоряжался, по-видимому, всем: его симпатичный тенор раздавался и в бою, и на бивуаках.

Командиры полков: Тенгинского — Кошутин, Навагинского — Полтинин, Кабардинского — Пирятинский (сей последний не участвовал в экспедиции). Командовал же отрядом прикомандированный полковник князь Шаховской, которого мы мало видели, да и делать было ему нечего там, где раз устроенный боевой порядок никогда не изменялся и всё дело лежит на ротных, взводных командирах, заслуживших полное доверие своих подчинённых; на старых фельдфебелях и унтер-офицерах, а иногда даже на обстрелянных и простреленных, закоптелых в бою молодцах рядовых. Этим учить нечего, они сами сумеют распорядиться.

Я передаю свои воспоминания живые, неизгладимые впечатления моей кавказской жизни и описываю только то, что происходило в моих глазах, что я переживал и чему научился в этот период моей службы. Выше всего я ставлю опытом изведанные мною свойства нашего народа: безответное терпение, выносливость, разумную отвагу и истинно христианские его чувства, руководящие им во всех невзгодах. Русский солдат не ждёт похвал за свои подвиги, он кроток, добродушен, не хвастлив, покорен воле Божией, живёт тем, что Бог вложил ему в душу.

с. 108 Вообще невзгоды вырабатывают характер человека. Нельзя было налюбоваться и на храбрецов офицеров кавказских: они почти все носят на себе свои формуляры в виде рубцов на теле, — а где они их получили и при каком случае, они даже не любят рассказывать. Один мой земляк штабс-капитан Кабардинского полка Астафьев рассказывал, как он однажды *перетрусился* в бою: «Такая была свалка, что небо показалось с овчинку, дрожу всем телом, как в лихорадке, не знаю, что и делать!» — а между тем всем известно, что он именно в этом деле проявил геройскую смелость и распорядительность, которые заслужили ему особое уважение начальников и сослуживцев. Кавказские офицеры про нас, горяченьких новичков, вообще отзывались неодобрительно: «лезут, говорят, очертя голову; эдак нельзя, надо быть похладнокровнее и порассудительнее». Действительно, некоторые из нас, знакомые с кавказской борьбой и желая отличиться, лезли очертя голову, — но, поучившись у старых бойцов, они скоро усвоили их приёмы и заслужили полное доверие. Мой ротный командир Иван Иванович Билимов, накануне первого боя 10-го мая преподав мне некоторые наставления, решил в виде экзамена поручить мне свою роту, а сам за мною наблюдал из резерва.

Накануне этого дня мне приносят следующее распоряжение по отряду: «В 4 часа утра 4-й Кабардинский батальон сменяет аванпосты Навагинского полка — и на всё время перехода до р. Пшады составляет арьергард отряда».

Арьергард на Кавказе играет самую значительную роль в бою; горцы отлично знают, что эта часть отряда, связанная с хвостами боковых цепей, только в крайних случаях может принять на себя агрессивные действия, из опасения разорвать углы и, следовательно, дать возможность неприятелю атаковать движущиеся фланги. Собственно, ввиду такого значения арьергарда — в состав этой части назначаются исключительно кабардинцы, заслужившие себе отличную боевую славу.

9-го мая был отслужен молебен, войска окропились святою водою. Мы отрывались не долго от всего мира; никто не будет знать, что у нас делается, равным образом и мы не будем получать никаких известий с своей родины, вступаем в новую жизнь, богатую опасностями, полную лишений!

При нашем вступлении никто не произносил речей, возбуждающих к исполнению долга; никто не поздравлял с походом; некому было нас и провожать с благими пожеланиями! Помолясь, все разошлись по своим бивуакам, пообедали; и храброе воинство заснуло крепким сном ранее обыкновенного.

Во всю ночь в горах светились маяки, призывающие горцев к большому сбору.

В 4-м часу утра, вступив уже в права, переданные мне Билимовым, я повёл свою роту на смену навагинцев; темнота непроницаемая! Отыскивали мы разделённые пары аванпостов — по свистку.

Стала занимать заря, туман подымался, как занавес в театре, открывая нам оживлённую картину. Кругом всего отряда гарцевали джигиты, дерзко подскакивая к нашим цепям.

с. 109

Сборище в долине полное, и сейчас же загорелась горячая перестрелка. Пока дело происходило на плоской равнине Кунипсы, отчаянные абреки бросались в шашки. Картечные выстрелы и частью наши ружейные (ружья били плохо) останавливали натиск, а неизменный штык укладывал заносившихся удальцов. Арьергард то собирался в кучки, то снова рассыпался цепью: горцы не давали нам времени захватывать их убитых товарищей: жертвуя собою, они подскакивали, подымали тела на седла и быстро исчезали.

По вступлении отряда в гористую местность, горцы перебежали с горы на гору и, пользуясь знакомыми им путями, залегали, стреляя в нас залпами. Нужно отдать справедливость воинственным племенам шапсугов и натохадж: это действительно отважные и отменно ловкие бойцы! Арьергард, эта более уязвимая часть, был исключительно целью их атак, — дремать не приходилось. Для арьергарда никогда отряд не останавливался, так и теперь, в самый разгар дела, посланному казаку к генералу Вельяминову с известием о происходящем бое в арьергарде А. А. с свойственным ему хладнокровием сказал: «я знаю, что им трудно, но кабардинцы справятся и без помощи», отряд продолжал двигаться вперёд.

До 3-х часов дня никто и не думал об отдыхе; в горах сделалось несколько полегче, можно было по крайней мере присесть. Горцы отлично применялись к местности, забегали, переползали незаметно с места на место, но и наши — едва заметят собирающиеся кучки, немедленно бросаются в штыки. Мне ни разу не случалось видеть, чтобы горцы выдерживали нашу атаку до конца; не любят они наш штык; дадут последний залп и сломя голову убегают. В этот день бой продолжался без перерывов до 9 часов вечера, время их аллах-намаза (молитва).

Я совсем забыл, что со вчерашнего дня ничего не ел, но голод стал сильно сказываться; выручил меня добрый мой товарищ Гатчинского кирасирского полка штабс-ротмистр К. Четвертинский; он мне прислал 1/2 бутылки розового донского вина и белого хлеба; не забуду его дружеское участие.

В горах и моему резерву можно было закусить; молодцы мои достали из мешков (ранцев в поход не брали) — запасные: кусок мяса и краюшку хлеба; после чего я их послал в цепь, — возвратившимся из цепи в резерв тоже представилась возможность приступить к хлебу насущному. Долго прохладиться не приходилось: жуём хлеб, а за делом следим зорко. Один молодой солдат после завтрака потянулся и зевнул, вражья пуля как будто только того и ждала; попала ему прямо в рот и покатился мой воин! «Не знает, что в деле зевать нельзя», — проговорил старый ефрейтор, наваливая на плечи тело убитого.

с. 110

Когда с упадком дня наша деятельность облегчилась, — физическое утомление стало сильнее ощущаться, а ещё до 9 часов вечера далеко: ноги как-то безотчётливо ступают: им всё равно, камень, яма ли или держи-дерево под ними; но вот на правом фланге что-то усилилась перестрелка, и опять побежали ноги, как бы по собственной инициативе.

Закатилось солнце, и сейчас потемнело; слышу сигнал «все назад», то есть собирайтесь к резерву; пора было! Я собрал роту и скатился с нею в ущелье, по которому шёл отряд. В конце обоза я ухватился за какую-то телегу и плёлся за нею бессознательно полусонный. Телега эта остановилась, и я попросил обозного рядового меня на неё взвалить. Влез и сейчас же заснул мёртвым сном; не знаю, долго ли мы ехали, только слышу, что меня

кто-то тянет очень бесцеремонно за ногу, я стал противиться, нарушитель моего спокойствия подставил фонарь к моему носу и вскрикнул: «Ах, ваше благородие, вы не убиты, извините!» Оказывается, что мнимоубитый лежал и спал на телах действительно убитых. Я весь промок в сукровице.

Добрел до бивуака, вижу уже сваленное в кучу имущество моё, вот Павел и Иван, кипит самовар, чистое бельё, постель — невыразимо хорошо! Боже милосердый, не оставляешь Ты нас, посылаешь тяготу, но даёшь и силы её переносить.

с. 111

Отдохнув немного, я пошёл проведать свою роту; она окружала котёл, в котором кипели горячие щи, издавая самый соблазнительный для голодного желудка запах; слава Богу, и им недурно, подумал я и успокоился. Законный добрый ротный командир Иван Иванович Билимов озаботился доставить роте добрую пищу и отдых; он тут же сидел на корточках и расспрашивал фельдфебеля Туркина и старых солдат о подробностях дня. Увидав меня, он поднялся и крепко меня обнял. С тех пор мы сделались искренними друзьями, и он постоянно уже предоставлял мне распоряжаться ротою в бою.

Иван Иванович носил на теле два рубчика и 4 зажившие раны; понятно, что 15 лет его службы и крутые горки порядочно его поизмучили и что желание при возможности отдохнуть нельзя приписать к опасению получить ещё несколько новых ран. Рота его любила; доверие его ко мне подняло меня в её глазах. С грустью не дочлись мы на перекличке 7 человек, — потеря дня. В особенности жаль Ивану Ивановичу было ефрейтора с тремя нашивками, которому осенью приходилось идти в отставку.

В довольствии, окружённые земными благами, мы часто забываем те чувства, которые наполняли сердце в минуты невзгод! Эти неплотские чувства дороже, однако, всех радостей мира; исчезают все грешные страсти и помыслы; на душе делается легко, — она сближается с Богом святою связью любви, — утверждается в вере.

Следующие дни были так похожи один на другой, что нет нужды их подробно описывать.

10-е мая и впоследствии 2-е сентября были лично для меня дни особенно замечательные, потому и повествованиям о них я дал бóльшие размеры. Здесь нужно, однако, упомянуть о некоторых случаях, характеризующих дух нашего войска. Вот один из них, происшедший в моих глазах.

Во фланговые пары цепи назначаются самые опытные люди, и для выучки с ними ставятся бойкие молодцы из новобранцев. На второй день нашего похода, 11-го мая, правая фланговая пара моей цепи стояла на краю леса на поляне; спускаясь с горы, я вижу ещё издали двух несущихся горцев на эту пару, а в ногах новичка — лежащего убитого унтер-офицера. Один из джигитов накидывает аркан на рядового Филиппова (сосланного на Кавказ со всею 8-ю ротою лейб-гвардии гренадерского полка).¹

с. 112

Филиппов был рослый, дюжий молодец, он упёрся ногой в дерево, поднял ружье, и аркан, скользя, захлестнулся на штыке. Увлечённый быстрым конём черкес не мог его остановить и, сташенный с седла, упал к ногам гвардейца, который, конечно, тут его и приколол.

Молодой же солдатик, видя скачущего ещё третьего горца, взвалил на плечи убитого своего дядюшку, с тем, чтобы его скрыть в кустах.

Не успел он его донести, как наскაკивают на него два черкеса, он спускает дядюшку на землю и выстрелом á bout-portant сваливает одного, а прикладом ружья разбивает голову другому. Покончив с ними, солдатик перекрестился и принялся опять за свою дорогую ношу.

Что это за прелесть! Он не знает, что его любовь к дядюшке, отвага и находчивость ставят его на ряду лучших из людей! Со слезами на глазах он мне показал на убитого дядюшку, — а про то, что он сам сделал, — если бы я не видел своими глазами, — так бы это и осталось никем не оценённым. Не дождался этот герой награды за свой подвиг:

¹В начале 1837 года 8-я рота лейб-гвардии гренадерского полка была целиком переведена за послушание (?) в кавказские полки. Дело было так: командир полка князь Волконский остался недоволен утренним ученьем роты и приказал вывести её опять на ученье в час дня. Оторопевший ротный командир барон Х—н объявил это распоряжение роте, но вместо часа дня сказал: через час. «Нам, стало быть, и ранцев нечего снимать», — заговорили в роте. Фельдфебель доложил ротному командиру, что рота не хочет снимать ранцы; этот малодушный и неумелый командир стал бранить, угрожать и кончил тем, что возбудил в людях упорство. Пошли рапорты, доклады и кончилось тем, что удалили ротного командира, а всю роту сослали на Кавказ. Почти все эти молодцы пали в экспедиции 1837 года.

вскоре его скосила черкесская шашка. Видел Господь его любовь и самоотвержение, — и там получит он награду — не земную.

Умилительно было видеть на восходе солнца весь отряд, молящийся на коленях; на несколько минут водворяется тишина, но вот бой «по возам» подымает всех на ноги. Молодецкий вид войск свидетельствует, что они сегодня как вчера бесстрашно пойдут в бой и не выдадут; заревели верблюды, но скоро всё приходит в порядок, полки размещаются по назначению, — и в поход.

Пять суток шли мы до устья р. Пшад, окружённые массою горцев. Убыль в войсках оказалась довольно значительною; мы везли и раненых и убитых до ближнего бивуака. По приходе на бивуак, опускали их в глубоко вырытые ямы и по совершении упокойных молитв, в честь отшедших — делали боевые выстрелы в сторону неприятеля; затем могилы засыпались, уравнивались, и на них разводились костры с целью скрыть от горцев и не дать им возможности предать обычным поруганиям тела наших воинов.

с. 113

15-го мая мы вышли на роскошную долину Пшад; устроили бивуаки, выставили на горах и в долинах аванпосты. Пошла поправка ободранных держи-деревом одежд и починка пострадавших сапогов. Все полезли купаться в море, освежились; поднялся весёлый говор, беготня, песни; свежий человек, высадившийся с судна на берег, непременно бы подумал: «вот где она счастливая-то жизнь!»

Я говорил, что Билимов вверил мне свою роту; другие ротные командиры, оценив прикомандированных, преимущественно гвардейцев, сделали то же,¹ и наш 4-й Кабардинский батальон ходил в дело с новыми начальниками. Батальоном командовал: Киевского гусарского полка майор князь Юрий Болконский; 4-й карабинерной ротой командовал Гатчинского кирасирского полка штабс-ротмистр князь Четвертинский; 10-й ротой — подпоручик лейб-гвардии конно-гренадерского полка Саргер, 11-й — подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Самсонов и 12-й — Кавалергардского полка поручик Мартынов. Мы составили общую артель, жили и действовали дружно.

Огляделись, разобрались и приступили к устройству укрепления. По недостатку техников, мост через Пшаду поручено было строить прапорщику гвардии конной артиллерии барону Штакельбергу. Этот добрый любимый всеми юноша имел особую способность писать карикатуры; как он ни старался, его мост вышел тоже несколько карикатурный. Начальник отряда, пройдя по нём, заметил, что он сильно качается, даже под небольшою тяжестью; Штакельберг ответил, что он в первый раз строит мост. «Что ты этим хочешь сказать, дражайший?» — спросил его командир (А. А. всегда употреблял прилагательное: «дражайший», когда говорил с подчинёнными)... — Хотел сказать, ваше превосходительство, что второй мост я уже лучше построю, — насмешил всех молодой барон.

с. 114

Наш 4-й Кабардинский батальон был выставлен на аванпост, его тесно окружили засеками, и внутреннее пространство было до того тесно, что сторожевые пары лежали возле самых наших палаток и кухонь; в наружных углах были поставлены орудия.

В первые дни горцы подползали довольно близко к нашему аванпосту; чтобы мы не замечали их приближение, они выли, как шакалы, и прибегали вообще ко всяким хитростям. Раз ночью, мы преспокойно ужинали, как вдруг раздались выстрелы в самом близком расстоянии и две пули попали в верх нашей палатки, — конечно, в одну минуту весь батальон был на засеке.

Некоторые более отважные горцы бросились к амбразуре — и тут же были подняты на штыки, остальные поняли, что неуместная их храбрость ни к чему доброму не поведёт, и обратились в бегство, сопровождаемые картечными и ружейными выстрелами нашими.

На рассвете мы подняли несколько тел, за которыми сейчас же явились на аванпост выкупщики: — мы их отправили к полковнику Ольшевскому.

Этот эпизод указал нам на необходимость выставить секреты, сперва в 1/2 версте от аванпоста, а затем, по мере расчистки впереди лежащей местности, наш секрет по-

¹ Назову, кого припомню из более знакомых мне офицеров прикомандированных к другим частям отряда: лейб-гвардии конного полка корнет К. Н. Долгорукий, лейб-гвардии гусарского полка корнет Столыпин (Монго), лейб-гвардии уланского полка Симановский, лейб-гвардии кирасирского полка поручик Уньковский, Гродненского гусарского полка Рушковский, лейб-гвардии уланского Е. В. полка поручик Шейблер; гвардейские артиллеристы князь Масальский и барон Штакельберг, лейб-гвардии Литовского полка Яковлев, Австрийского Меншиков, лейб-гвардии Финляндского полка Насекин, армейские уланы Асламбеков, Ерин, Ахтырский гусар полковник Герамб.

с. 115

степенно выдвигался вперед. Привелось мне несколько раз залегать в секрете; выходили мы в сумерки и на всю ночь укладывались в местах, прикрытых лесом. Не только нельзя было разговаривать или курить, но переворачиваться с боку на бок нужно было с большою осторожностью, чтобы не нашуметь. Казалось, что наши предосторожности после первой неудачи горцев были уже не особенно нужны, однако они ещё сделали попытку нас потревожить. Пришла опять моя очередь идти в секрет, мы залегли после полуночи, полная тишина была прервана сперва дальним говором горцев; мы замерли, а когда они, ничего не подозревая, подошли к нам на какие-нибудь 70 шагов, секрет мой встал на ноги и встретил их весьма негостеприимными выстрелами. Они быстро убрались, оставив на месте много своей крови. С того времени они уже нас оставили в совершенном покое, к тому же нами через день посылались по два и по три батальона на фуражировки уже на более дальние расстояния, и аулы их предавались огню.

На Пшаде нам в первый раз пришлось познакомиться с кавказскими бурями: начался ураган среди дня, страшный ветер гнал чёрные тучи через хребты гор с юга на север; облака надвигались, как чёрная овчина, и когда они натянулись через долину с одного хребта на другой, настал вдруг полный мрак и тишина, всё замерло, даже дыхание останавливалось от недостаточного движения воздуха. Но вот прорвались тучи и полились с неба потоки; в миг всё поплыло, казалось, что море вышло из берегов; прекрасная долина Пшады превратилась в безбрежную водяную пропасть; с гор катились громадные камни и вырванные из корня деревья; грохот, треск, — весь этот хаос продолжался не много более 3/4 часа, — и горячее солнце энергично вступило в свои права. Всё высыхало с непостижимой быстротой, и мы через час времени могли уже бегать по лагерю, разыскивая унесённые водою наши вещи. У меня около палатки оказались чей-то вьюк и сапоги, а мои вещи неизвестно куда уплыли, — весь вечер мы провели в розысках. «Ишь ты, климант-то здесь какой, — рассуждал солдатик, сидя около котла с носогрешкой во рту, — я думал, пришло свету представление, на-ка вот и камни с дом откуда-то навалились, хоть дома строй и дров на целую зиму духом подвезли, — вот она Азия-то что значит, а ты чай рад, Миронов (кашевар), ишь ты, как твой котёл-то вымыло, а у меня, брат, так пачку табаку куда-то унесло, — не нашёл!» Можно посудить, что тут не одна только пачка табаку, а много кое-чего по-серьёзнее бесследно пропало. А как не пожалеть молодца, которому нельзя душу отвести своим тютюном! Я дал ему три, тоже довольно скверные сигары — более не мог.

с. 116

В одну из наших фуражировок, — по горькому недоразумению, — мы пострадали от своих картечных выстрелов. Я с своей ротой занимал крутую гору; передо мной за глубокою балкой возвышалась другая гора, на которой засели горцы и оттуда вели с нами перестрелку. Левее под нашей горой протекала небольшая речка, по берегу которой вилась дорожка. За речкой, командуя фуражировкой артиллерийский полковник Брюмер поставил на луговине два орудия, с целью поддержать роту в случае напора неприятеля. Проходя по цепи и дошед до правого её фланга на верх горы, я заметил, что кучки горцев, перестреливавшиеся с нами, стали сбегать вниз к речке, откуда и доносились уже до нас говор и стук копыт. Вызвав из резерва полу-взвод, я с ним спустился к речке и на замаскированной деревьями площадке уставил фронтом сколько могло поместиться людей. Едва мы успели приготовиться, как нанесли на нас конные горцы, а за ними и пешие, вероятно, надеясь скосить относительно слабую нашу цепь, расположенную по горе. Подскакав к нам шагов на 30-ть, они увидели приготовленную им встречу, — но уже было поздно: по команде: пли! у них всё смешалось, убитые люди и лошади загородили дорогу задним, — успех полный!

Мы бросились в штыки, перепрыгивая через тела убитых и раненых, но в это самое время наши артиллеристы, предполагая, что горцы нас одолели, повернули орудие и дали выстрел картечью по направлению свалки; этим выстрелом был убит один рядовой и другой, тяжело ранен в плечо. Можно себе представить, как эта роковая ошибка подействовала на торжествующих победу. Я с трудом отозвал занёсшихся молодцов; мы должны были оставить наши трофеи и отступить...

Полковник Брюмер просил меня не заявлять о происшедшем и потерю нашу сложить на горцев; больше нечего было и делать. В первую минуту чувство досады в сильной степени овладело мною, но тут добродушный солдатик укротил во мне нехристианскую злобу: «эх, братец, — отвечает он на ропот своего товарища: — да разве им оттуда видно было, — они, чай, думали, что нас уже всех перерезали».

К нашему отряду был прикомандирован пароход «Язон», — он один питал нас хотя отсталыми известиями о том, что делается в мире. Командовал им капитан 1-го ранга Павел Филиппович Хомутов, старый опытный моряк и приятный собеседник. Мы часто пользовались его любезными приглашениями. Стоя на якоре в 1,5 верстах от берега, он высылал за нами шлюпки; визиты эти были для нас приятным развлечением в нашей трудовой жизни; нужно признаться, что мы были тоже очень довольны возможности посидеть за чисто убраным столом и иногда изменять скудное меню наших обедов. Лейтенант парохода Чернышев, прославившийся своею необъятною силою, потешал нас рассказами про свои похождения. Этот молодец в Мальте врубил в стену свою память мраморною доскою; он вырвал её из-под зеркала, защищаясь от дюжины английских моряков, зазавших его в муссу как бы с намерением заключить с ним мир после происшедшего за несколько дней перед тем побоища, при котором Чернышев, — защищаясь один против десяти, — сильно повредил рёбра английским боксёрам. В Мальте и поныне показывают углубление в стене, пробитое пушечною им мраморною доскою.

с. 117

Нравилась нам тоже стройность и отчётливость движений гребцов, быстро переносивших нас с берега и обратно на берег. Вообще мы встречали здесь давно неиспытанные нами удобства порядочной жизни.

Кстати упомянуть об одном из наших товарищей, лейб-гвардии Кирасирского полка поручике Уньковском, который предпочитал совершать переправы на пароход — вплавь; он раздевался на берегу, взбрасывал свою одежду на голову и, подплывая вместе с нами к «Язону», просил дозволения ещё погулять до обеда и отправлялся далее в море, совершенно исчезая из вида.

Через месяц укрепление приводилось к концу, его называли Троицким; теперь нам предстоял переход через неизвестные ещё русским хребты, к речке Вулан. Запаслась мы лазутчиками-проводниками и, оставив две роты в Пшадском укреплении, помолясь Богу — двинулись вглубь неизвестной страны. Переход этот оказался затруднительнее перехода из Ольгинского до Пшады, к тому же проводники, обещавшиеся нас довести до Вулана в трое суток, ошиблись в расчёте времени, и только на восьмой день опять увидели мы море. На основании же их указаний нам был отпущен только трёхсуточный провиант в сухарях.

На четвёртый день похода в солдатских мешках оставалось только по малой горсточке сахарной пыли: стали люди голодать, и здесь вполне выказалась выносливость нашего могучего народа и способность его переносить все невзгоды. Ни тени ропота; нет хлеба — так нет! — а дело делают, как бы сытые. Конечно, нельзя было не смотреть сквозь пальцы на частные, единичные фуражировки: задержатся в горящем ауле ловлю кур, тянут за рога барана, забирают всё, что попадётся под руку, и спешат догнать удаляющуюся свою часть; немало людей поплатилось жизнью на этих, часто бесплодных, поисках.

с. 118

Некоторые из нас, прикомандированных, во время этой голодовки приглашались обедать в штаб, но мы положительно отказывались от сытной трапезы, предпочитая разделять участь наших далеко не сытых подчинённых.

Чутко русское сердце! Любовь и благодарность трогательно в нём выражаются. «Ваше благородие, не покушаете ли, что Бог послал: оно ничего!» — говорит солдатик, предлагая мне последнюю шепотку своей сахарной пыли. «Спасибо, я уже поел», — ответишь ему — и добряк отходит, недоверчиво покачивая головой.

В довольствии, окружённые земными благами, мы забываем пережитые минуты невзгод и лишений, забываем и те чувства, которые наполняли тогда душу, — а они неоценимо высоки, сближая нас с Богом связью любви, Им заповеданной!..

По выступлении из Троицкого укрепления, мы проходили местностью, уже очищенную нами во время фуражировок; но едва прошли мы этот очищенный район, снова пошла та же история; здесь, однако, вражьи сборища были не так многочисленны; горцы были озадачены смелостью нашего наступления; менее опытные в бою, они не знали, что им выгоднее атаковать арьергард, эту Ахиллесову пята отряда, и потому серьёзных стычек с этой стороны не было. Нас, кабардинцев, перевели в авангард и стали употреблять на занятие гор, лежащих на пути нашего следования.

Я уже прежде заявил, что мои воспоминания относятся только к тем случаям, которые происходили у меня на глазах; оценивая по достоинству молодцов-кабардинцев, я нисколько не имею в виду умалять подвиги других частей отряда, которые наравне с ними заслужи-

вают полной похвалы; но я пишу как бы картины с натуры, исключительно обращая всё внимание на то, что передо мною.

с. 119

Возвращаюсь к своему 4-му батальону и к командуемой мною 11-й роте. А. А. Вельяминов ехал за авангардом и лично распоряжался назначением частей на штурм занятых горцами, недосягаемых до артиллерийского огня высот; подходя к засадам, отряд останавливался и, для очищения впереди лежащей горы, высылались обыкновенно одна рота. Не говоря уже об опасностях, которым подвергались роты — на которых сыпались сверху выстрелы, камни и срубленные деревья, — самое восхождение было до крайности утомительно в это жаркое время года. Бросались мы с дружным криком «ура»; но крики эти постепенно утихали; всякий заботился о том, как бы одолеть представляющиеся на пути препятствия, как бы передохнуть и набраться потребными силами: — горло высыхает, воды нет; опыт научил, что полезно в этом случае класть пулю в рот, — это единственное средство, которым мы могли несколько освежиться.

По два и более часов лезем на гору. Приближаясь к хребту, избиралось более закрытое место, рота залегала и, отдохнув несколько минут, бросались на окончательный штурм, который всегда удавался и почти без потерь.

Горцы избегают ручных схваток. Мне один раз случилось сойтись нос к носу с запоздавшим черкесом; это была для нас обеих встреча неожиданная; он сперва оторопел, но не успел я ещё вынуть из ножен шашку, как он уже исчез.

К последним нашим переходам до Вулана — вероятно, к горцам прибыла подмога из племени шапсугов; более опытные, они указали принятый ими способ атак — и опять все усилия их обратились на арьергард. Кабардинцы снова заняли усвоенное ими в отряде место.

Боковые цепи при фланговом движении по хребтам не имели возможности действовать в совокупности; пары иногда растягивались, и хвосты оставались часто без защиты: таким образом и правильность четырёхугольного порядка расстраивалась. Перебегая постоянно с одной позиции на другую, мы обгоняли хвосты боковых цепей и должны были составлять для них особый арьергард, который подбирал и выносил на своих плечах убитых и раненых.

с. 120

На восьмой день перехода, с последней высоты открылись перед нами море и богатая долина речки Вулан. Не стану описывать красоту этой местности; притупленный изнурительными переходами ум неспособен был к поэтическим созерцаниям. Вот море, которое тянет нас к себе своими свежими волнами; тут будет и постель для необходимого отдыха, — более ничего не приходило в голову пропитанному пороховым дымом и облитому ручьями пота голодному человеку.

Отдохнули несколько, освежились и принялись за постройку укрепления; начались опять фуражировки. Вообще за всё время экспедиции мы не могли похвалиться какими-либо удобствами жизни, единственное развлечение, как я говорил и прежде, представляло нам море и благодетельный пароход «Язон». Известий никаких и ниоткуда мы давно не получали, подвоз продуктов перерывался иногда на целые недели, — читать нечего, мы совершенно отвыкли думать даже о завтрашнем дне, — да не стоит о нём думать, — может быть, и сегодняшней не доживёшь. Вознаграждения за все лишения являлись только в твёрдом уповании на милость Божию и в сознании правдивого исполнения Его святой воли. Отсюда вытекают честность служения и так называемая храбрость, исключая всякое хвастовство или стремление выказать себя молодцом. Да здесь никого своею храбростию не удивишь, никто на тебя не глядит и никто не прославит, — живёшь с глаза на глаз с своею совестью, — и блаженна эта чистая жизнь! оттого-то она и оставляет по себе самые дорогие воспоминания...

Обычные занятия текли без особых, выходящих из ряда — приключений, только в конце августа мне случилось познакомиться с совершенно для меня новыми впечатлениями.

Собрались у меня товарищи, мы беседовали до 11-го часа вечера и сели ужинать, вдруг вбегает ко мне фельдфебель с известием, что командующий отрядом приказал мне немедленно отправиться с 11-ю ротою на берег, для посадки на пароход; приказано забрать с собою хлеба на трое суток. Куда? зачем? полный секрет. Видимо, что такое быстрое распоряжение делается ночью с тем, чтобы скрыть от горцев наши намерения. Я забрал в карманы остатки ужина, вооружился и вышел уже к готовой к выступлению роте. Ночь чёрная, буря, — ничего под ногами не видать. Едва нашли мы в нескольких шагах от берега ожидающие нас катера. Подплыли к «Язону», рвавшемуся с якорей от сильного ветра с мо-

ря; влезать по трапу было очень трудно. Когда прибыл последний транспорт людей, «Язон» вытянул якоря и, из опасения быть разбитым о скалы, пустил все пары, чтобы скорее выбраться в море. Долго провозились, пока пароход двинулся с места, наконец, тронулся, запыхтел — и мы стали всё быстрее и быстрее удаляться от берега.

с. 121

Руководителем этой экскурсии назначен был капитан 1-го ранга Лазарь Маркович Себряков. Он мне сообщил, что накануне замечены были два небольшие парусные судна, шедшие с юга на север; держались они к самому берегу, — это были подвозчики горцам военных припасов: они обыкновенно входят, стараясь быть незамеченными, в устья речек, углубляясь по ним сколько можно далее внутрь долин, и там выгружают свой товар.

Я в первый раз путешествовал по открытому морю; до сего времени был знаком только с водяным сообщением между Петербургом и Петергофом и притом при хороших условиях погоды. Здесь, в страшную бурю, я сейчас же почувствовал некоторое щемление под ложечкой и затем кружение головы, тошноту, одним словом, морскую болезнь в сильной степени. «Ну, — подумал я, — хорош я молодец, никуда не гожусь, а у меня на руках рота!»

Эта мысль меня сильно тревожила.

Я лежал, как балласт, а Лазарь Маркович и другие моряки зорко оглядывали все устья речек и наконец увидели, что в одной из них, в одну четверть версты от берега, лежали на боку две уже выгруженные лодки, — нужно их сжечь!

Начался десант; опустившись с парохода в катер, сейчас же я почувствовал, — к крайнему моему удовольствию, — что моё нездоровье совершенно прошло. На берегу было большое сборище горцев; пароход сделал по ним картечный выстрел, толпа рассеялась, и мы дошли до берега без особых препятствий; но когда мы высадились, засевшие за кустами и камнями черкесы снова открыли по нас пальбу. Быстро подбежали мои молодцы к судам, и в одну минуту запыхтел турецкий флот! Дело тем и кончилось, но при нашем отступлении и обратном пути на катерах мы потеряли одного убитого и двух раненых. Кажется, не стоили турецкие судёнышки такой жертвы.

Между тем буря усилилась, а с нею и мои недуги; два дня пролаживали мы, боясь удариться об скалы, и только на рассвете третьего дня оказалось возможным бросить якоря. Высадка для нас, непривычных, была крайне затруднительна, волны ещё не улеглись, и спущенные шлюпки то исчезали в глубине, то подымались выше борта. Лазарь Маркович по обязанности должен был отправиться с донесением к командующему отрядом и только по усиленной моей просьбе позволил мне ему сопутствовать. Я спускался задом по трапу, гребец мне кричал, чтобы я остановился на последней ступени и ждал, пока он мне скажет оставить верёвки, за которые я держался; дальнейшую судьбу мою следовало отдать в его распоряжение. «Пускайте», — крикнул он, выбрав момент и схватив меня под плечи — бросил на дно шлюпки, а Лазарь Маркович запретил мне шевелиться. Казалось, что я поднимаюсь до небес и спускаюсь до самого дна морского. Наконец, после почти часового путешествия, благодетельная волна выбросила нас на берег.

с. 122

Я боялся, чтобы она меня не увлекла за собою; крепко схватился за землю и пополз (ходить я потерял способность); когда же, отдохнув, мог стать на ноги — как пьяный побрёл по берегу.

Укрепление достраивалось, и мы стали готовиться к обратному походу — цель нашей экспедиции была достигнута. При последних фуражировках мы заметили, что число врагов наших значительно увеличивалось; собирались ближайшие племена, явились у них и более искусные и отважные распорядители. Чаше приезжали в отряд горцы для выкупа своих тел и переговоров, стараясь при этом узнать о времени нашего выступления.

В последние дни августа, освятив Ново-Михайловское укрепление и оставив в нём гарнизон в две роты Тенгинского полка,¹ после усердного моления мы выступили из временного нашего лагерного расположения.

¹ Гарнизон Михайловского форта в 1854 году свято исполнил свой долг и поддержал неувядаемую славу русского оружия. Во время крымской кампании, в Закавказье набралось много иностранцев, преимущественно англичан; зная, что мы не можем подать помощи нашим прибрежным фортам ни с моря, ни с суши, они побуждали горцев воспользоваться обстоятельствами, предоставлявшими им возможность легко ими завладеть. Михайловский форт был атакован массою горцев; двое суток гарнизон отражал с успехом их нападения; горцы бились отчаянно, много их было свалено штыками с верха брустверов. Между тем у наших выбыло уже более половины людей. На третий день, когда нельзя уже было сомневаться в невозможности отстоять укрепление, — гарнизон порешил взорваться

с. 123

Горцам представилась возможность выгодно атаковать наш арьергард: они воспользовались оставленной нами местностью, скопились между отрядом и фортом, и сами, ограждённые от нашего артиллерийского огня — поражали нас своими выстрелами.

Заметно было, что их отвага переходила за обыкновенные пределы. Несколько раз они пытались бросаться в шашки, но кабардинские штыки напоминали им, с кем они имеют дело. В арьергарде находились два батальона нашего полка; крики «ура!» и «Аллах!» не умолкали.

На другой день с раннего утра были ранены в арьергарде поручик лейб-гвардии Финляндского полка Насекин и капитан Кабардинского полка Мацкевич. Около полудня подъезжает ко мне командующий батальоном нашим князь Волконский: «дело-то серьёзно разыгрывается, — говорит он, — кому-то суждено...» — и, не договорив, падает вместе с лошадью. Мы оттащили его в кусты; весь в крови — он жалуется на нестерпимую боль в руке, перебитой пулею выше локтя. Когда доктор приступил к перевязке, я увидел, что у него в спине высовывается из-под сукна рубашка и, ощупав, нашёл в ней пулю. Она ударила его спереди в грудь, прошла кривой линией по ребру и вышла по прежде данному ей направлению — близ позвоночного столба; боль в руке была так сильна, что наш командир другую рану и не почувствовал. Тут мне пришлось оставить раненого; горцы продолжали нас расстреливать залпами: раздалось «ура!» и поплатились горцы за любимого нами князя Волконского.

2-е сентября день для меня особенно памятный. Выступили мы с бивуака на рассвете, и сейчас же снова начался упорный бой.

Нам следовало в этот день перейти через высокий хребет гор; кабардинцы должны были удерживать напор горцев, пока весь отряд через него перевалится.

с. 124

А. А. Вельяминов, когда ему представлялось место удобное для отдыха и завтрака, подавал сигнал: «всё, стой!» — и все останавливались там, где их заставлял сигнал. В этот день сигнал нас застал на спуске с горы, которую горцы, конечно, не замедлили занять, и стали нас провожать выстрелами. Остановиться в низине нам было невозможно.

В это время тут оказался временно командующий полком князь Шаховской. Я просил его дозволения сбить горцев с занимаемой ими высоты; князь не решался взять на себя такой самовольный поступок; но тут, как это и часто случалось, кто-то крикнул «ура!» и кабардинцы вихрем понеслись на только что оставленную нами высоту. Горцы не ожидали такого импета, видели, что запоздали вовремя отступить — растерялись и бросились бежать без оглядки. Нас двое командиров рот: Мартынов и я, мой фельдфебель Туркин и один рядовой гнались за ними, сгоряча опередив роту; заметив, однако, что утекающие горцы стали останавливаться и собираться в кучки, мы залегли за могилками в ожидании подмоги. Первым по нас залпом был убит наповал Туркин и ранен рядовой, пожелавший приколоть лежащего черкеса. Через 3, 4 минуты рота добежала до нас, и только что мы поднялись для дальнейшего преследования горцев, я почувствовал, что меня что-то черкнуло по колену, — это, однако, не помешало мне довести дело до конца. Мои молодцы кололи нещадно; не говоря о убитых, мы забрали целыми троих собиравшихся выпустить по нас последний залп. Они в страшном перепуге хватались за штыки, прося пощады: «якши, якши рус», кричали они, посылая нам поцелуи. Я остановил желающих с ними распорядиться по-своему.

Достигнув вершины горы, мы стреляли по бегущим, тут можно было уже присесть и отдохнуть. Размыли мою рану, — она оказалась малозначительной, доктор убеждал меня отправиться в резерв, но я его не послушал. Пуля сделала желобок на наружной стороне чашки: ещё бы волоска на два, и чашка была бы разбита — тогда остаться бы мне без ноги — хранил Господь!

в то время, когда горцы нахлынут в середину форта. Роковой приговор был исполнен рядовым Архимом Осиповым; он поджёг фитилём пороховой погреб, и все защитники и враги погибли под развалинами укрепления. Государь Император повелеть соизволил: навсегда на переключках в Тенгинском полку называть первым Архипа Осипова, за которого фланговый рядовой отвечает: «погиб во славу русского оружия!» В Владикавказе сооружён в честь Осипова прекрасный памятник.

Я послал пленных с моим юнкером Депредани к командующему отрядом. Юноша расписал так горячо и красиво наш подвиг, что А. А. прислал меня поздравить с орденом святого Владимира с бантом.¹

Инцидент 2-го сентября принёс нам большую пользу; перевал совершился без особо тяжких потерь, и вообще горцы при нападениях своих сделались менее дерзки. с. 125

Не могу не вспомнить здесь о нашем карикатуристе бароне Штакельберге; присланный к нам с одним горным орудием, ему не представлялось возможности употребить его в дело; он решился вдвинуть его в хвост резерва, а сам прибежал ко мне в арьергардную цепь, вооружённый одним черешневым чубуком. Горячился мой товарищ, бегал по цепи, указывая солдатам, куда нужно стрелять. Нам в это время оказалось нужным отдалить наседавших на нас врагов, — стало быть «ура!» и побежали. Обгоняя Штакельберга, я вижу, что он стоит в недоумении и глядит на обгарённую кровью свою руку; пробегая, я ему крикнул: «Поздравляю, барон, ранен?» Действительно, пуля расколола чубук, оторвала один палец на руке и покалечила два другие. «Представь себе, — рассказывал он после с свойственным ему юмором, — мне показалось, что меня солдат толкнул прикладом в плечо, оборачиваюсь, вижу, что ты бежишь, и слышу твоё поздравление; тогда я догадался, что я ранен, а когда увидел свою кровь, подумал: а может быть, я и убит!»

Пройдя хребет, отряд стал спускаться по склону горы в долину; потребность отдыха сказывалась во всех моих членах; стало темнеть, предвиделся конец полного приключением дня. Сверху я видел располагавшийся уже на бивуаке наш авангард и загоревшиеся солдатские костры. Мысль о замирении, отдыхе сладко меня ласкала. Представляю себе, что я уже умылся, лёг на постель, пью чай, одним словом, предчувствую все ожидающие меня блага. Стало совершенно темно, кавказская ночь! Перестрелка кончилась, все мы прилегли в ожидании спуска на дорогу боковых цепей, задремали. Вдруг слышу, чей-то голос спрашивает: «где 11-я рота?» Я вскочил, это был адъютант генерала, он привёз мне следующее приказание: «Там за хребтом, отделяясь от отряда, осталось 6-ть черноморских казаков, из коих двое ранено легко, а один весьма опасно. Не имея сил нести своих товарищей и не зная, как им соединиться с отрядом, они, пользуясь темнотой, спрятались в чаще: вот этот казак покажет, где они сидят. Генерал приказал вам привести их в отряд!» Ну, спасибо! не только грёзы, но и самая основательная надежда на какой-нибудь отдых исчезла. Нога побаливает, всё тело ломит, кажется, уже и сил никаких не осталось в запасе, а идти надо; веду людей, об себе тут нечего думать. «11-я рота, вставай!» Поднялись и пошли, я с казаком впереди. Подвязали покрепче манерки, чтобы не звенели, приняли все предосторожности, хорошо известные кавказскому воинству; идём так тихо, что самим не слышать. Ведёт казак по горам, по ручьям, по камням; спотыкаемся, скользим, падаем — кажется, что нас просто за грехи прогнали с белого света в какую-то безвыходную пропасть. «Что, близко ли?» — «Вот як перейдём эту балку, там налево недалеко в лесу», — отвечает проводник. Перешли балку, вошли налево в лес, казак растерялся: «як же? они тут лежали». — Так куда же мы теперь пойдём? К счастью, в эту минуту брякнула у одного солдата манерка. Услыхали отсталые казаки и с какой-то вершины закричали: «ратуйте, кто в Бога вирует!» Я велю им спуститься к нам, а они отвечают, что не могут, сил нет. Конечно, мы уже тут бросили все предосторожности и полезли на гору; ничего не видать, твёрдо стать на ногу невозможно в этой исковерканной, покрытой сваленными деревьями и камнями трущобе. Молодой крепко раненый в грудь казак лежал без движения, он просил своих товарищей бросить его; другие двое раненых с некоторою помощью могли бы ещё сами кое-как дойти, но черноморцы своих не выдали. с. 126

Далее распространяться не буду; вползли, захватили казаков, сползли, вышли на хребет, с которого отправились, и добрались до бивуака шестью часами позже отряда.

Едва я успел выпить два стакана чая и стал засыпать, как ударили по возам!! и опять отправились мы на наше постоянное место в арьергард.

Понятно, что мне нельзя забыть день 2 сентября 1837 года.

¹Ордена этого я, однако, не получил, как я узнал впоследствии, потому что моё представление подано вместе с другими в то время, когда Государь Император в справедливом гневе своём за беспорядки, оказавшиеся в управлении Кавказом, никаких представлений от барона Розена не принимал.

с. 127

Во время следования нашего к Ново-Троицкому и далее в Геленджик, не произошло ничего заслуживающего особого внимания; те же перестрелки, та же обыденная жизнь с утомительными переходами и небольшими частными подвигами. Ряды наши, однако, стали заметно редеть; тяжело раненых несли на носилках до первой морской станции, менее страждущих везли на подводах.

В Ново-Троицком нам пришло радостное известие, что Государь Император Николай Павлович желает видеть наш отряд в Геленджике.

— Как же это можно сюда приехать самому Государю? — говорили находящееся под впечатлением перенесённых невзгод наши солдаты.

Все ожили, повеселели, много раненых заявили о своём полном выздоровлении.

По приходе в Геленджик мы все усердно принялись за приведение, сколь возможно, в более приличный вид одежды пришедшей в самое убогое состояние. Чтобы дать понятие о красоте нашего обмундирования, я опишу свой офицерский туалет.

Сюртук, прорванный и по швам, и по целым местам, потерял совершенно свой нормальный цвет; фуражка, с переломанным козырьком и каким-то фиолетовым околышком, не имела никакой формы, панталон вовсе не было; сапоги стоптанные и во многих местах прорванные — отказались служить.

Конечно, прежде всего, надобно было позаботиться добыть нижнее платье; к счастью, у духанщика нашлась какая-то серая, полосатая нанка, которую мы сейчас всю разобрали, относительно по дорогой цене. Самоучка портной-солдатик посоветовал выбрать из подкладки сюртука более целые места — вот и кантики готовы. Сюртук покрыли заплатами, не стесняясь различием качества и цвета употреблённого на это материала. Сапогов долго не мог достать — нашлись, однако, и они, уже не помню, у кого, — таким образом, я совсем справился своим туалетом. Остриг меня ротный цирюльник; бороды у меня ещё не проявлялось.

По приходе в Геленджик, потребовал меня к себе начальник отряда; после весьма лестных отзывов об моей службе он удивил меня странным поручением: «Надобно нам, дражайший, сделать для Государя лагерный развод; ты, говорят, дока и в этом деле; сделай дружбу — выручи нас!»

Признаюсь, я подумал сперва, что он шутит или испытывает меня, и не знал, что ему ответить; но он настаивал.

с. 128

— Ваше превосходительство, это дело сверх моих сил: наш бравый молодец блистательно выполняет своё дело в бою, а на наши мирные лагерные балеты он вовсе неспособен...

Не дал мне А. А. договорить:

— Прошу тебя, дражайший, похлопочи, на тебя одного надежда, попробуй.

И тут же объявил мне, что он даёт мне право распоряжаться, как хочу, и требовать всех и всё, что нужно.

Что тут делать? Достал я у кого-то в крепости сапёрный устав, проглядел его и убедился, что можно такой фрунстикой замучить людей несравненно более, нежели переходами через хребты, а толку никакого выйти не может. Вытребовал я из отряда всех, побывавших в образцовом полку, два дня с ними возился, никак не клеится; к счастью моему, первый пришедший пароход привёз нам милостивые слова Государя: «Никаких смотров не нужно, еду только поглядеть на моих храбрецов и сказать им моё спасибо».

В рассказах о наших похождениях 1837 года могли бы мне помочь мои записки, но, к сожалению, они с моей библиотекой и всеми дорогими памятниками долгой моей жизни сгорели с домом в 1890 году. Сверх ожидания, в памяти о былом, давно прошедшем, сохранились живые впечатления молодости, и всё, что происходило 55 лет тому назад, представляется мне и ныне как бы в рельефе. Могу ручаться, что все описываемые мною факты, даже имена людей и местностей, верны, но чего никак не могу определить с точностью — дней и числа, тем более что и тогда мы совершенно сбились в расчётах времени. Нужно наводить справки, заводить долгие переписки... Для близкого к 80-ти годам старика трудно, да, пожалуй, пришлось бы оставить недоконченными мои воспоминания.

Не могу припомнить, которого именно числа октября мы увидели вдалеке борющийся с страшною бурей пароход, который нёс к нам нашего Царя. Накануне этого дня заревел ураган; из ущелий подул сильнейший восточный ветер; он моментально повалил палатки, разметал все наши пожитки; пищу варить было невозможно: как ни глубоко вырывались

ямы для котлов, ветер выбрасывал из них дрова и нёс их, как щепки, к стороне моря. Ходить было невозможно, ветер сейчас же свалит с ног и покатит вас по тому же направлению. В воздухе летели канцелярские дела, одежда, всякая утварь, одним словом, ничто не могло устоять против урагана. И в это-то время, осиливая страшные препятствия, подходил к берегу царский пароход. Во всех устах и мыслях была горячая молитва к Богу и, благодаря Всевышнего, благополучно вступил наш Царь в Геленджик на землю, с ним и Наследник-Цесаревич.

с. 129

Построение отряда к смотру требовало особых условий, первое из них: чтобы люди не сваливались с ног, о равнении и прочих уставных правилах не было и толку. Стали мы развёрнутым строем; раздвинув ноги циркулем, люди должны были перегнуться навстречу ветру, в пояс наклоняясь к земле. Знамена положены плашмя перед строем, и на каждом из них сидело по два человека. Как стаи птиц, отлетающих на зиму в лучшие страны, неслись шапки к морю; барабаны вырывались из рук и, подсакивая, издавали странные звуки, бегущие же за ними люди сами падали через голову и катились по тому же пути.

Государь Император и Его Высочество шли с большим усилием по так называемому фронту, имея по бокам ассистентов казаков; что же касается до А. А. Вельяминова и приехавших с Его Величеством генералов, их вели под руки. Как шли другие — замечать было некогда. Своеобразная по наружности встреча! Но при виде Царя — всегда и везде тот же восторг в войске, ему не помешают все разнуздавшиеся стихии. Радостные крики заглушали рёв урагана; на почерневших от загара лицах горел священный огонь любви...

Государь Император, поравнявшись с 11-ю ротой, узнал своего преображенца и мило-стиво приветствовал меня ласковым словом. Его Высочество Цесаревич изволил пожать мне руку, сказав:

— Ну, товарищ, тебя и узнать нельзя, как похудел, да, кажется, и вырос.

Действительно, я в этот год поднялся на полтора вершка.

В лагере для Его Величества была поставлена кочевая калмыцкая палатка; 40 человек линейных казаков лёжа поддерживали её на верёвках. Все генералы и свита Государя вошли в неё, вероятно, там обсуждался образ дальнейших действий на Кавказе. Нам, мелким офицерам, об этом, конечно, ничего не удалось узнать.

с. 130

Генерала Вельяминова, вышедшего на одну минуту за какими-то справками, сейчас же свалило и покатило по общему направлению; казаки подняли его и под руки ввели обратно в палатку.

После кратких докладов Государь Император с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем и свитой отбыли пешком в Геленджик (ехать в экипажах было невысказано). Его Величество, проходя мимо войск, осчастливил их своим сердечным царским спасибо. Воодушевлённые воины не помнили себя от радости: восторженные их крики продолжались, когда нельзя было уже и видеть удаляющегося нашего Государя. Конечно, никто не мог осмелиться оставить своих мест в строю, а как бы все побежали за ним.

Так для нас и кончилось это незабвенное событие. Не видели мы, как Государь входил на пароход и как бурное море понесло высоких посетителей наших на новые опасности к берегам Турции.

В Геленджике Государь Император посетил лежащих в госпитале раненых и собственноручно награждал их знаками военного отличия; удостоился этой чести и мой раненый в грудь черноморский казак; впоследствии он совсем поправился здоровьем.

Перед самым отбытием Государя загорелись в Геленджике запасы сена; говорят, что это случилось по каким-то экономическим комбинациям. Запасы эти были сложены на берегу; береговой ветер спас город от дальнейших несчастий. Что бы было, если бы загорелись строения, госпиталь, набитый ранеными? — страшно и подумать.

В эти бурные дни на вершинах гор выставлены были аванпосты от Навагинского полка, и в то время, когда мы в низинах подвергались всеокрушающему урагану, там стояла чудная, тихая и солнечная погода.

Сколько помню, через день после посещения Государем Императором нашего отряда, мы двинулись в обратный путь к Ольгинскому. На первом переходе к генералу Вельяминову явились переговорщики от племени натаходж с заявлением, что они, с общего согласия, порешили нас не тревожить, но с условием, чтобы и мы не жгли их аулы. Предложение весьма разумное и для обеих сторон выгодное, притом наша граница — Кубань, отсюда

с. 131

всего в 60—70 верстах; по дороге находятся наши форты: Николаевский и Абин, часто нами посещаемые, следовательно, имея, так сказать, под рукой немирные аулы, мы всегда можем, в случае нужды, усмирять горцев и наказывать их за набеги на наши станицы.

Действительно, мы сделали два перехода по определённой местности совершенно спокойно, и там, где мы шесть месяцев назад встретили упорный напор со стороны горцев, теперь не слышно было даже и шальных выстрелов. Генерал Вельяминов отпустил переговорщиков. На третий же день, с раннего утра, около Кунипсы появилось громадное собрание, — мы узнали через лазутчиков, что переговорщики, обещавшие нам мир и тишину, в предположении, что Его Величество будет следовать с отрядом, имели намерение высмотреть, где именно будет находиться Государь. Они заплатились за своё любопытство: здесь, в долине, наша артиллерия могла действовать картечью; кучи горцев редели и после полудня совершенно исчезли, спешно забирая своих раненых и тела убитых.

Вот у нас, впереди, последний бивуак; завтра будем уже у Ольгинского тет-де-пона. Все улеглись и заснули благотворным сном. Настаёт время отдыха от понесённых непрерывных трудов и невзгод, не нужны будут постоянные предосторожности, ни аванпосты, ни секреты, ни другие стеснительные меры; завтра мы будем свободно дышать на своей земле без опасения быть застигнутыми врагами.

В последний переход до Кубани мы понесли незначительные потери. Перед бивуаком стоял, как и накануне нашего выступления (9-го мая), аналой со святыми иконами. Как тогда нас никто не провожал, так и теперь никто не встречает. Весь отряд на коленях приносил Господу горячие молитвы; помянули всех павших братьев наших, окропили святой водою предстоящих.

Без труда нет радостей, без испытаний — изнеженное сердце неспособно выработать в себе те высокие чувства любви и самоотвержения, которые даются потерпевшему, пострадавшему. Балованные дети выходят всегда слабее и малодушнее тех, которые прошли через строгую школу нравственности. Несомненно, что Кавказ был одною из таких высших школ, много выработал он твёрдых, религиозно-нравственных героев.

с. 132

Нашему воинству приготовлен был сытный обед, оно подкрепилось чаркою вина, пошли рассказы, песни; это веселие наводило меня на чувство грусти: мы, временные кавказские вояки — поучились и ушли, а вы, честные труженики, обречены на новые прекращающиеся только со смертью подвиги! Мало кто из вас увидит родину и свою семью.

Прощай, дорогая моя 11-я рота! с тобою я понял много святых истин, которые не даются светскою жизнью; усвоил серьёзные понятия о долге начальника; узнал, как дорого доверие и любовь подчинённых. И всё это так удобопонятно, как удобопонятна, проста и увлекательна Божественная правда. Прощай и ты, величественный Кавказ!

Вечером, лёжа на моей вьючной постели, я думал встать пораньше, чтобы проститься с моими друзьями товарищами, но в 5-ть часов утра меня разбудил говор около моей палатки: это 11-я рота в полном её составе и с ротным командиром Билимовым во главе пришла со мною прощаться.

Не мудрено, что, вступая в этот день на квартиры в город Екатеринодар, я не нашёл у себя ни гроша в кармане.

Кабардинцы, передохнув в Екатеринодаре, пошли в Нальчик, свою штаб-квартиру.

Вступили и в Екатеринодар.

Черноморский атаман, генерал Завадовский, очень любезно нас принял и доставил нам всевозможные удобства по расквартированию. На нашу артель достался чистый и просторный дом с молодою хозяйкой Прыской. Мы радовались пристанищу, где можно спать спокойно, радовались даже грязным улицам, по которым можно шлёпать безнаказанно. И двери, и окна, которые можно отворять, когда вздумается, — всё это нас очень тешило.

Пошли пиры. В первый день по приходе собрались у нас товарищи в числе 13-ти человек; на другой день то же у Масальского; на третий у Столыпина. Все дни были разобраны, и все хозяева требовали, чтобы у них непременно оставались до поздней ночи. В Екатеринодаре не было недостатка в шампанском и портере, этих двух напитков, в совокупности неуспокоительно действующих на организм. Беседы были оживлённые. Конечно, такой образ жизни не мог долго продолжаться: пиры кончились, и каждый избрал занятие по своему вкусу. Я купил серого в яблоках кабардинского коня и на нём отправлялся с ружьём в степь; бил фазанов, дроф и другую дичь, загонял русаков, попадались и кабаны, но я и мой Иван,

с. 133

вдвоём, никак не могли с ними справиться. Мартынов целый день писал свои записки и, кроме того, тайно от нас ездил зачем-то в один из аулов за Кубань.

Четвертинский предпочитал вознаграждать себя за пережитые тревоги полным спокойствием; он распоряжался нашим хозяйством.

Вскоре состоялось расписание гвардейцев по кавказским полкам: нам предстояло обучать фронту наших боевых учителей. Меня послали в Карталинию в штаб Грузинского гренадерского полка, квартирующего в Гори. Командир полка, граф Опперман, и его супруга, рождённая графиня Роникер, приняли меня весьма гостеприимно; они позаботились доставить мне все удобства и даже возможные развлечения. Два месяца моего пребывания у них прошли быстро и оставили по себе самые приятные впечатления.

Главнокомандующий барон Г. В. Розен (старый командир 1-й гвардейской дивизии) вытребовал меня в Тифлис. Здесь царило полное уныние по случаю принятых строгих мер для открытия причин оказавшихся беспорядков. Генерал-адъютант А. А. Катенин производил следствие со всею строгостью, требуемую возложенным на него поручением.

В высших сферах — полная замкнутость. Меня приютил у себя добрый старый преображенский товарищ, адъютант барона Розена, Валериан Петрович Языков; всегда весёлый, полный юмора, он тоже находился в весьма грустном настроении, которое ежедневно усиливалось и наконец дошло до расстройства разума; говорил он много, но не договаривал, писал неустанно, но не дописывал, так что родные, получавшие от него письма, встревожились, и брат его Александр Петрович (бывший директор училища правоведения) просил меня дать ему подробные известия о его состоянии.

Вскоре после моего отъезда его перевезли в Петербург, где он, совершенно уже лишённый ума, скончался.

Тифлис с его азиатскими постройками и обычаями, с его климатом, позволяющим туземцам жить и веселиться на плоских крышах своих домов, — возбуждает полный интерес.

Не буду описывать в подробности все особенности кавказской столицы, национальные пляски под звуки национального инструмента тамаша, — ту игру, затевающуюся молодежью и принимающую постепенно более и более воинственный характер, — с ранеными и даже убитыми; — одежды и чадры, под которыми скрываются грузинские красавицы; караван-сарай, турецкие бани, в которых выправляются суставы, и прочее, и прочее. Это выходит из сферы и цели моих записок.

В начале марта 1838 г. я выехал в Петербург, вновь подвергая себя всем случайностям и неудобствам наших сухопутных сообщений.

Господь Бог сподобил меня целым и невредимым возвратиться в свою полковую семью.

Василий Яковлевич Микулин меня простил и по-прежнему назначил молодого поручика в 1-й батальон.